

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

XVII (2)

Серия основана в 1993 году

ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Абу Хамид
Мухаммад
ал-Газали ал-Туси

«Кимийа-йи са‘адат»
(«Эликсир счастья»)

کیمیای سعادت

Часть 2
Рукн 2: Обычаи

بخش ۲
رکن ۲: عادات

ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО, ВВЕДЕНИЕ, КОММЕНТАРИЙ
И УКАЗАТЕЛИ А. А. ХИСМАТУЛИНА

Санкт-Петербург
2007

УДК 297
ББК Э383-4

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
نشر این کتاب با پشتیبانی و مساعدت رایزنی فرهنگی سفارت جمهوری اسلامی ایران در مسکو انجام گردیده است

Ответственный редактор: О. Ф. Акимушкин

Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси. Кимиа-ий са'адат («Эликсир счастья»). Часть 2: Руки 2: Обычай (с Прилож. А и В). — Пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ. А. А. Хисматулина. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. — XXX + 466 с. («Памятники культуры Востока», XVII (2)).

А 17 Вторая часть сочинения Мухаммада ал-Газали целиком и полностью посвящена обычаям или, как их порой называет автор, нормам поведения, сложившимся в мусульманской общине к VI/XII в. с точки зрения шафииитского мазхаба. Здесь и прием пищи, и вступление в брак, и зарубатывание, и торговля, и распознавание заповеданного и разрешенного, а также многие другие вопросы, которые были и остаются актуальными не только для средневекового ислама, но и для ислама сегодняшнего и которые автор рассматривает на основе сунны Пророка, а равно с точки зрения обычного права — с присущей ал-Газали безуокуизионной логикой.

Приложение А — исследование и перевод сочинения ал-Газали *Насихат ал-мулук* («Совет властыкам»). В исследовании рассмотрена проблематика аутентичности второй части *Насихат ал-мулук*, обычно приписываемой имаму. Там же дан перевод нескольких писем ал-Газали, написанных незадолго до *Насихат ал-мулук*, и назван его вероятный «соавтор», присовокупивший к сочинению вторую часть. Он же, как показывает исследование, без сомнения являлся и «соавтором» салджуцкого вазира Низам ал-мулка ал-Туси в дополнении текста *Сийасат-нама/Сийар ал-мулук*.

Приложение В — перевод исследования иранского ученого Н. Пурджавади по проблематике *Насихат ал-мулук* и *Панд-нама ал-Газали* с небольшим послесловием к исследованию.

Книгу завершает Понятийный словарь ал-Газали. В словаре с параллельным арабским или персидским текстом приведены определения отдельных терминов, раскрытых самим автором как в *Кимиа-ий са'адат*, так и в *Ихъя* 'улум ал-дин.

Передача арабографических имен собственных и топонимов в книге дается в современной упрощенной транслитерации без учета произносительной ассимиляции арабского артиклия.

Уникальное в своем роде по степени тематического охвата и безупречного научно-теологического анализа сочинение может быть рекомендовано самому широкому кругу читателей, желающих всерьез познакомиться с мусульманскими традициями в их истории.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 987-5-85803-359-2

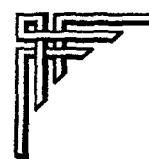
© «Петербургское Востоковедение», 2007

© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН, 2007

Зарегистрированная торговая марка
ВОСТОК

9 785858 033592

Введение

Имам ал-Газали и виды научного творчества

Настоящее издание представляет собой вторую часть, или, по оригинальному названию, второй столп (*руки*, رُكْن) сочинения Мухаммада ал-Газали *Кимиа-ий са'адат* («Эликсир счастья»). В отличие от первого рука, посвященного раскрытию взаимоотношений «человек–Бог», здесь рассматриваются различные аспекты и этические нормы взаимоотношений «человек–человек».

В начале первой части *Кимиа-ий са'адат* автор рекомендует:

Если же у кого-то будет желание к исследованию и уточнению сверх этого, то ему следует поискать в книгах на арабском, таких как книга *Ихъя* 'улум ал-дин, книга Джавахир ал-Кур'ан («Драгоценности Корана») и другие сочинения (тасаниф) подобного содержания, написанные по-арабски¹.

اگر کسی را رغبت به تحقیق و تدقیق باشد و رای این، باید که از کتب تازی طلب کند چون کتاب
احیاء علم الدین و کتاب جواهر القرآن و تسانیف دیگر که درین معنی بتازی کرده آمده است.

В силу того что данный перевод потребовал осмыслиения текста по-русски, в иной культурной среде и с иными реалиями, в новое время — спустя девятьсот лет, а также учитывая тот факт, что любой авторский текст, будучи переведенным на другой язык, начинает фактически новую жизнь, и от того, как это произойдет, через какую призму его увидит иноязычный читатель, как воспримет, зависит будущее место и роль переведенного текста в инокультурной традиции — я, последовав совету автора, обратился в своей работе к его основному труду на арабском языке *Ихъя* 'улум ал-дин («Воскрешение религиозных наук»). Иными словами, каноническим редактором *Кимиа* выступил по сути дела сам автор. При этом принципы и задачи перевода, определенные для первой части издания, в настоящем томе остались теми же, а именно, в ходе перевода преследовалась тройская цель:

во-первых, уточнить те места текста, которые, на мой взгляд, кажутся в переводе «темными» или требующими априорного знания реалий му-

¹ ал-Газали. *Кимиа*. Ч. 1. С. 5.

АЛ-ГАЗАЛИ. КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ. СТОЛП ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

сульманской традиции, то есть знания «по умолчанию», или экстралингвистической информации;

во-вторых, привести по *Ихъя'* в постраничных сносках к тексту перевода высказывания Пророка и известных мусульманских деятелей, говоря иначе, канонических блоков текста, в их исконном арабографическом написании, дабы максимально избежать двойного перевода (арабский—персидский, персидский—русский), предоставив тем самым возможность читателю, владеющему арабским, предложить свой вариант перевода этих изречений, играющих ключевую роль в авторской аргументации. При этом следует учитывать, что их персидский перевод в *Кимиайа-йи са'адат*, хотя и прошел через руки многочисленных переписчиков, все-таки принадлежит ал-Газали, то есть является для языка перевода — русского — оригиналом. Кроме того, как показывает сопоставление двух текстов, автор кое-что переосмыслил. Если авторский перевод незначительно отличается от арабского оригинала высказывания, то перевод второго в сносках, как правило, не дается; если же отличия довольно существенные, и высказывание по-персидски больше похоже на облегченное переложение, то арабский оригинал сопровождается вариантом перевода;

и, наконец, в-третьих, сравнить структуру текста «Эликсира счастья» в постраничных примечаниях и комментариях с текстом «Воскрешения религиозных наук», для того чтобы доказательно снять вопрос о «сжатом переложении» второго, хронологически более раннего текста на персидский язык.

Как и в первой части перевода для выполнения этих задач использовались следующие тексты:

- 1) *Кимиайа-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — рук. В 928 из собрания СПбФ ИВ РАН, переписана в 1495 г., по-видимому, в Харате (Герат, совр. Афганистан) — по ней дан перевод сочинения, и ее фолиация отражена в тексте;
- 2) *Кимиайа-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — издание ныне покойного Хусайна Хадивджама [Г. 1–2. Тихран: Ширкат-и интишарат-и 'илми ва фарханги, 1376/1997 (7-е изд.)]; здесь без дополнительных указаний даются ссылки на первый том;
- 3) *Кимиайа-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — издание ныне покойного Ахмада Арама [Г. 1–2. Тихран: Интишарат-и ганджина, 1376/1997 (4-е изд.)]; здесь без дополнительных указаний даются ссылки на первый том;
- 4) *Ихъя' 'улум ал-дин* (احیاء علوم الدین) — первое наборное издание текста сочинения [Г. 1–4. Ал-Кахира, 1302/1885]; здесь без дополнительных указаний даются ссылки на второй том;
- 5) *Ихъя' 'улум ал-дин* (احیاء علوم الدین) — персидский научный перевод сочинения, выполненный по указу делийского султана Шамс ал-дина Илтумшиша (شمس الدین ایلتمش) и при поддержке его вазира Абу Са'да Мухаммада Джунаиди (ابو سعد محمد جنیدی) в 620/1223 г. Му'айяд ал-дином Мухаммадом

ВВЕДЕНИЕ. ИММАН АЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Х^аризми (مزید الدین محمد خوارزمی) с комментариями в форме сопоставлений с ханафитским мазхабом и изданный X. Хадивджамом [Г. 1–4. Тихран: Ширкат-и интишарат-и 'илми ва фарханги, 1375/1996 (4-е изд.)].

Тексты 2–5 использованы для сопоставления и сличения с текстом 1, положенным в основу перевода. Кроме них для перевода данного рукна были привлечены:

- 6) *Кимиайа-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — рук. В 4612 из собрания СПбФ ИВ РАН, переписана в первой половине XII в. — фрагмент текста сочинения (самый ранний из известных), а именно, полностью второй рукн;
- 7) *Кимиайа-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — рук. Add 25026, один из ранних полных списков сочинения из собрания Британской библиотеки (The British Library), переписанный в 672/1274 г. и полностью огласованный, электронная копия которого была недавно любезно предоставлена в мое распоряжение Мухаммадом Исой Вали (Muhammad Isa Waley).

В списке *Кимиайа-йи са'адат*, которыйложен в основу перевода (В 928), даются следующие формулы посмертных евлогий: для пророков и Пророка Мухаммада — Мир да почнет над ним/ними (عليه السلام); для сподвижников (*сахаба*, صحابة) Пророка и его ближайшего окружения — Да будет доволен им/ими/ей Аллах (رضي الله عنه); для второго поколения мусульман, именуемого в мусульманской и научной литературе последователями (*تابعین*, تابعین), выдающихся религиозных деятелей и суфииев следующих поколений — Да почнет над ним/ними/ней милость Аллаха (رحمة الله عليه). Таким образом, наметанный глаз средневекового читателя только по одним евлогиям мог сходу определить: принадлежал ли человек к поколению Пророка или жил позже, при следующем поколении мусульман, что было, по-видимому, неким критерием надежности при оценке тех или иных поступков и высказываний, зафиксированных мусульманской традицией. Следует отметить, что те же самые формулы евлогий для тех же категорий лиц приведены и в рук. Add 25026, тогда как в персидские издания уже введена более поздняя формула посмертной евлогии для мусульманского Пророка — Да благословит его Аллах и да приветствует (عليه السلام), выделяющая его из прочих пророков.

Так же, как и первая часть *Кимиайа-йи са'адат*, вторая отличается от соответствующего тома *Ихъя'* 'улум ал-дин, во-первых, реорганизацией и рекомпиляцией представленного в *Ихъя'* материала, во-вторых, его сокращением и, в-третьих, введением нового материала. Как показывает сопоставление текстов двух книг, новый материал введен автором в третью основу «О заработке и торговле», в четвертую — «Разрешенное, заповеданное и сомнительное», в шестую — «Этикет затворничества и отстраненности от людей», в седьмую — «О путешествии». Наконец, материал десятой основы — «Об обладании подданными и управлении», кстати, выходя за рамки поставленной самим автором цели написать книгу «для простого народа», в *Ихъя'* и вовсе отсутствует.

Ал-ГАЗАЛИ. КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ. СТОЛП ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

Сейчас уже вполне обоснованно можно говорить о том, что все указанные отличия объясняются видом исследования, в рамках которого писал автор, — тасниф (تصنيف). До сих пор мне не встречалась исламоведческая работа, где рассматривался бы этот вид (и наряду с ним иные) научного творчества, принятый в средневековые среди мусульманских ученых, хотя не исключено, что при огромной массе издаваемых по всему миру исследований такая работа просто могла оказаться вне пределов моей досягаемости. Поэтому ниже я позволю себе представить результаты предварительных размышлений на сей счет, которые основаны на анализе ограниченного количества средневековых источников.

Сбор (جع), составление (تألیف), сочинение (تصنیف)

Обычно между сочинителем (*мусанниф*) и составителем (*му'аллиф*) проводят различие в таком смысле: того, у кого все или большинство тем и содержание книги являются его собственными мыслями и его начинанием, называют *мусаннифом*, тогда как *му'аллиф* — тот, кто все или большинство тем собирает у других. Иногда же между этими двумя не проводят никакого различия подобно тому, как такое бывало и в прошлом...²

'али акбар диххуда
معمولاً بین مصنف و مؤلف فرق گذارند بدین معنی که مصنف کسی را گویند که همه یا بیشتر مطالب
ومحتوای کتاب اندیشه خود او و به اینکار خود اوست ولی مؤلف کسی است که همه یا بیشتر مطالب را
از دیگران گرد آورده و گاهی نیز بین آن در فرقی نگذارند چنانکه در گذشته نیز چنین بوده...
علی اکبر دھخدا

К определенному историческому периоду (конец III/IX–начало IV/X вв., а возможно — чуть раньше) мусульманская наука в своей эволюции проходит три общих для всех наук этапа. Они отражены в научно-религиозной литературе того времени и характеризуются тремя основными степенями обработки информации: 1) ее сбор и сведение воедино (*джам'*, *جمع*); 2) составление-компиляция (*та'лиф*, *تألیف*) собранного материала и 3) его классификация-анализ (*тасниф*, *تصنيف*), условно говоря, сочинительство. В рамках такой первичной градации формируются жанры мусульманской литературы: юридической, исторической, агиографической и т. д.

Начало этому делению очевидно было положено составителями письменных сводов Корана и мухаддисами (собирателями и знатоками хадисов). Их работа в течение первых веков хиджры отражала процесс перевода информации, то есть вновь полученных религиозных знаний, с одного носителя (память людей) на другой (бумага). Этот процесс смены носителя шел постепенно, параллельно, а иногда и в конкуренции с традиционной изустной передачей — подобно тому, как он идет и сейчас при очередной

² Мусанниф // Диххуда. Лугаштака.

ВВЕДЕНИЕ. ИММАЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

смене носителя (с бумажного на электронный). В ходе записи преданий мухаддисами была разработана терминология, отражавшая специфику их работы и распространявшаяся позднее также и на написание внехадисной литературы.

Давно и хорошо известно, что своды суннитских мухаддисов, в которых хадисы от различных сподвижников Пророка сгруппированы по тематическим разделам фикха, именовались мусаннафами (букв. «классифицированными»). В них собранный материал прошел своего рода аналитическую обработку. Такие своды обычно сравнивались с муснадами — сборниками, составленным по принципу первого передаточного звена текста хадиса, то есть первого имени в иснаде, благодаря чему мы знаем, сколько хадисов дошло от того или иного сподвижника³.

Но даже поверхностный взгляд на мусульманские письменные источники IV/X в. дает представление о том, что к этому времени средневековые таснифы (*таснифات*, *تصنيفات*; *тасаниф*, *تصانیف*; *мусаннафат*, *مصنفات*) сопоставлялись уже не с чем иным, как с та'лифами (*та'лифات*, *تألیفات*; *му'аллафат*, *مزلفات*), а мусаннифы — соответственно с *му'аллифами*. Известный каталог ранней средневековой литературы *ал-Фихрист* (انہریت) Ибн ал-Надима указывает именно на две эти категории произведений и их авторов. По-видимому, специфика работы над каталогом, а также отсутствие возможности непосредственного знакомства с большинством включаемых в него работ, заставляли составителя нередко приводить сразу обе категории произведений, не вдаваясь в детали того, какие из них конкретно относятся к та'лифам, а какие к таснифам, в связи с чем сегодня эти определения зачастую воспринимаются как синонимы. Однако, на мой взгляд, отличия между ними есть и довольно существенные.

Арабский литератор и историк династии Аббасидов конца III/IX–середины IV/X в. Абу Бакр Мухаммад ал-Сули (ок. 260/873-4–335/946-7) в своем та'лифе *Китаб ал-аврак* (كتاب الازراق) мимоходом упоминает о том, что должны представлять собой книги из этой категории:

أ و خبر بنى سليم وغيرهم واغارتهم على نواحي المدينة كتب مزلفة، فيها ذكر الرقائع واعشار
لبنى سليم في ذلك واعشار لمن كان يرافقهم من أهل المدينة ونواحيها ...
Al-Suyuti, Kitab al-Avrak, p. 26 (arab. text).

³ Sezgin, GAS, Bd. I, S. 55–56. То же повторяет Дж. Бертон (J. Burton, *An Introduction to the Hadith*, Edinburgh University Press, 1994), правда, уже без всяких ссылок: Бертон, Введение, С. 184.

⁴ ал-Сули. *Китаб ал-аврак*. С. 26 (русс. перевод В. И. Беляева, А. Б. Халилова), 585 (араб. текст).

Ал-Газали. Кимија-йи са'адат. Столп второй: обычай

Знаменитый суфийский шайх конца IV/X–начала V/XI вв., наставник имама ал-Кушайри имам Абу 'Абд ал-Рахман ал-Сулами (ум. 412/1021) в своем трактате о «порицаемых» *Рисала ал-Маламатија* (رساله الملاماتية) вскользь говорит о письменном наследии шайхов этого некогда весьма популярного суфийского течения, приверженцем которого являлся и он сам:

ЗНАЙ, да помилует тебя Аллах, что у этих людей НЕ ИМЕЕТСЯ сочиненных книг (кутуб мусаннафа) и нет составленных рассказов (хикайатму'аллафа)⁵.

فاعلم رحمة الله انه ليس للقوم كتب مصنفة ولا حكايات مؤلفة.

Даже из этих двух коротких замечаний видно, что книга (*китаб*) в раннем средневековье могла быть, во-первых, как результатом авторского составления, так и продуктом авторского сочинения; во-вторых, под категорией та'лиф очевидно подпадали труды ярко выраженной дескриптивной направленности: рассказы очевидцев и высказывания выдающихся лиц, исторические события и все то, что до определенного момента имело хождение в изустной передаче и носителем чего была память людей. Будучи однажды собранными и перенесенными на бумагу, они представляли, на мой взгляд, вид классического, или первично та'лифа, основная задача которого — собрать, составить, минимально упорядочить материал по заданному традицией образцу и ввести в таком виде в письменную традицию. Максимум передачи информации, минимум ее анализа. В одном из ранних персоязычных та'лифов жанра житийной литературы первой половины VI/XII в. *Халат ва суханан-и шайх-и Абу Са'ид-и Фазл Аллах б. Аби-л-Хайр ал-Майхани* («Жизнь и речи старца Абу Са'ида Фазл Аллаха б. Аби-л-Хайра ал-Майхани», حالات و سخنان شیخ ابو سعید فضل الله بن ابی الحیر السینیس، составитель говорит об особенностях своей работы следующее:

ТАК КАК У СУЩНОСТИ ТОГО ДОРОГОГО [= АБУ СА'ИДА АЛ-МАЙХАНИ], ДА ОСВЯТИТ Аллах ЕГО ДУХ, БЫЛО МНОГО ДОСТОИНСТВ, ТО МУ'АЛИФ ДАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ТЕЧЕНИЕ [ВСЕЙ СВОЕЙ] ЖИЗНИ ИСКАЛ СЛЕДЫ И БЛАГОДАТНЫЕ ДУНОВЕНИЯ ТОГО ВЕЛИКОГО, СОБИРАЯ ИХ В ПАМЯТИ И ОТ ИЗБЫТКА СИМПАТИЙ ПРОЯВЛЯЯ ЛЕНОСТЬ В ИХ СОСТАВЛЕНИИ (ТА'ЛИФ). КОГДА ЖЕ МОЛЬБА ЛЮБЯЩИХ ИСКАТЕЛЕЙ И ЖЕЛАНИЕ ПРАВДИВЫХ МУРИДОВ ВОЗРОСЛИ, ТОГДА ОН ИСПРОСИЛ ПОМОЩИ У ВСЕСЛАВНОГО И ВСЕВЫШНЕГО ИСТИННОГО В НАПИСАНИИ И СБОРРЕ (ДЖАМ') СИХ ИЗРЕЧЕНИЙ...⁶

چون جوهر آن عزیز را قدس الله روحه چندین شرف بود، مؤلف این کلمات در مدت عمر طالب آثار و انسان مترک آن بزرگ می بود و در خاطر جمیع می کرد و از کثرت علاقه در تألیف این تکاصل می نمود. چون استدعا طالبان عاشق و رغبت مریدان صادق بسیار شد، از حق سبحانه و تعالی استعانت خواست در نیشتن و جمیع کردن این کلمات...

⁵ ал-Сулами. *Маджму'а-йи асар* (مجموعه آثار). Т. 2. С. 402.

⁶ *Халат ва суханан* / Изд. В. А. Жуковского. С. 6.

Введение. Имам ал-Газали и виды научного творчества

Вид классического та'лифа прослеживается и в последующие века, в особенности прочно закрепляясь за жанром житийной, агиографической литературы (макамат, тазкира и пр.), так сказать, в мусульманских патериках. Его характерной чертой является то, что даже чистая подборка и компиляция материалов уже имеют право на отдельное, новое название, пусть в них не будет ни единого слова (!), сказанного компилятором от себя. Например, шайх братства Накшбандийя, факих Мухаммад Парса (ум. 822/1420), составляя *Рисала-йи кудсийя* («Послание святых изречений», رساله کudsیہ) Баха' ад-дина Накшбанда, говорит достаточно недвусмысленно:

پُلْسَتْ يَقْرَأُونَ كَلِمَاتَ كَفْنَنَ وَ نُوشَنَ وَجْدَ أَيْنَ جَمِيعَ تَأْلِيفٍ بَهْ بَرَكَتْ
دَعَاتِ صَالِحِهِ، صَاحِبِ نَظَرَانَ سَبْبَ مَزِيدَ دَرِجَاتَ قَرْبَتْ گَرَدَ.

Правда, рука факиха не удержалась от комментария, тем не менее задача была сформулирована вполне конкретно: джам' и классический та'лиф в идеале не должны включать мысли собирателя и компилятора, но только передавать нарративную информацию.

В Т О Р И Ч Н Ы Й Т А ' Л И Ф . Под вторичными та'лифами я имею в виду такие компиляции, которые в значительной степени или полностью составлены на основе уже написанных трудов, имевшихся под рукой у компилятора, будь то классические та'лифы или тасниfy. Предлагаемое деление на первичные и вторичные та'лифы не будет выглядеть умозрительным, если принять во внимание слова газнавидского историка XI в. Абу-л-Фазла Мухаммада Байхаки (ابوالفضل محمد بهقی), на одном из произведений которого я остановлюсь чуть ниже, относительно уже существовавшей к тому времени традиции передачи информации о прошедших событиях:

Ізвестия о прошлом делят на два разряда, третьего для них не признают: их или нужно услышать от кого-либо, или же прочитать в какой-нибудь книге. Условие состоит в том, что говорящий [= информант] должен быть достойным доверия (сикка) и правдивым, ну и разум должен засвидетельствовать, что те известия верные⁸.

اخبار گذشته را دو قسم گویند که آنرا سه دیگر نشناسند: یا از کسی باید شنید و یا از کتابی باید خواند. و شرط آن است که گوینده باید که تقه و راستگوی باشد و نیز خود گواهی دهد که آن خبر درست است.

⁷ Парса. *Кудсийя* (قدسیہ). С. 7.

⁸ Байхаки. *Тарих-и Байхаки* (تاريخ بهقی). С. 366 (перс. оригинала).

Ал-Газали. Кимија-ији са'адат. Столг второј: обичаји

Во вторичных та'лифах при этом сохраняется описательный и фактологический характер, свойственный классическим та'лифам, а также традиционный структурный скелет подачи материала. Подобные тексты без труда можно найти как в арабоязычной, так и в персоязычной литературе. Весьма популярная работа средневекового теолога Мухаммада ал-Шахрастани (ум. 548/1153) по религиоведению и сектантству *Китаб ал-милал ва-л-нхал* («Книга о религиях и сектах») — один из типичных примеров.

И ПОСЛЕ ТОГО КАК ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВСЕВЫШНЕГО АЛЛАХА Я ИЗУЧИЛ УЧЕНИЯ ОБИТАТЕЛЕЙ МИРА <...>, ОЗНАКОМИЛСЯ С ИХ ИСТОЧНИКАМИ И ИСТОКАМИ И ИЗВЛЕК ИЗ НИХ ЦЕННЫЕ И РЕДКИЕ СВЕДЕНИЯ, Я ЗАХОТЕЛ СОБРАТЬ ЭТО В КОМПЕНДИУМ. <...> НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ДЕЛИЛИ [НАСЕЛЕНИЕ] ПО ВЗГЛЯДАМ И ВЕРОУЧЕНИЯМ, И ЭТО — НАША ЦЕЛЬ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ (ТА'ЛИФ) СЕЙ КНИГИ⁹.

لما وفني اللہ تعالیٰ لمعالجة مقالات اهل العالم <...>، والوقوف على مصادرها ومواردها واقتناص اوانسها وشهادتها، اردت ان اجمع ذلك في مختصر <...> ومنهم من قسمهم بحسب الاراء والمذاهب وذلك غرضنا في تأليف هذا الكتاب.

Упомянутые во Введении к переводу отличительные черты этой вторичной компиляции, а именно, «описательный характер изложения различных точек зрения», «беспристрастное и объективное изложение», стремление ал-Шахрастани «избегать всякой полемики», преодоление им «конфессиональной ограниченности и тенденциозности»¹⁰, по-моему, надо считать не столько заслугой автора и его позиции, как полагает переводчик, сколько общепринятыми требованиями к та'лифи.

Практически в тех же выражениях описывает свою вторичную компиляцию по мусульманской эзегетике законовед-шайх Мухаммад ал-Заркаши (745/1344–794/1392) в передаче разносторонне образованного и искушенного в различных науках Джалал ал-дина ал-Суйути (849/1445–911/1505). Второй в своем предисловии к «Совершенству в коранических науках» (*ал-Иткан фи-'улум al-Kur'an*) говорит:

МНЕ СТАЛО ИЗВЕСТНО, что шайх имам БАДР ал-дин МУХАММАД б. 'АБД Аллах ал-Заркаши <...> СОСТАВИЛ ('АЛЛАФА) ОБ ЭТОМ ОБЪЕМНУЮ КНИГУ, НАЗВАВ ЕЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В КОРАНИЧЕСКИХ НАУКАХ» <...>. В СВОЕМ ВВЕДЕНИИ ОН СКАЗАЛ: «... Я ПОПРОСИЛ БЛАГОСЛОВЕНИЯ У АЛЛАХА, СЛАВА ЕМУ, В СОСТАВЛЕНИИ ЭТОЙ КНИГИ, ГДЕ СОБРАЛ ТО, ЧТО ЛЮДИ ГОВОРИЛИ О РАЗНОВИДНОСТИХ КОРАНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ, ВХОДЯ В ЕГО ТОНКОСТИ И ГЛУБИНЫ»¹¹.

⁹ ал-Шахрастани. *Китаб ал-милал*. С. 26–27 (перевод С. М. Прозорова с моими сокращениями).

¹⁰ См.: ал-Шахрастани. *Китаб ал-милал*. С. 23 (Введение С. М. Прозорова к переводу).

¹¹ ал-Суйути. *Совершенство*. С. 35 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями и незначительными изменениями).

ВВЕДЕНИЕ. ИММАЛ ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

بلغني أن الشیخ الإمام بدر الدين محمد بن عبدالله الزركشی <...> ألف كتاباً فی ذلك حافلاً، يسمى البرهان فی علوم القرآن <...> قال فی خطبته: «... فاستخرت الله تعالى وله الحمد في وضع كتاب في ذلك جامع لما نكلم الناس فی فنونه وخاضوا فی نکته وعيونه». «

Результаты отменного текстологического анализа трудов ал-Суйути и его предшественников по мусульманской эзегетике, приведенные переводчиком в Предисловии к переводу *ал-Иткана*, логично приводят его к мысли о структурном сходстве между та'лифом ал-Заркаши и упомянутым трудом Ибн ал-Надима, что не удивительно, так как обе работы представляют один вид научного творчества: «Трактат ал-Заркаши демонстрирует гораздо большую композиционную выразительность по сравнению с более поздними сочинениями, что делает его в этом отношении более похожим на соответствующий раздел *Фихриста* Ибн ал-Надима, чем на сочинения Булкини и Суйути»¹².

Из агиографических сборников в качестве примера в значительной мере вторичного та'лифа, лишь отчасти дополненного событиями, свидетелем которых составитель стал при жизни или которые он почерпнул из устной традиции, можно привести высказывание шайха Накшбандийа 'Абд ал-Рахмана Джами (ум. 897/1492) в своей книге *Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс* («Дуновения привязанности от присных святыни», *نفحات الانس من حضرات القدس*). Шайх сам определяет его как джам' и та'лиф, хотя и предваряет его обзором основного понятийного аппарата суфизма.

ДОСТОЙНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ТРАДИЦИИ СОСТРАДАНИЯ У ИЗУЧАЮЩИХ [ЭТУ КНИГУ] ОБНАДЖИВАЮТ В ТОМ, ЧТО КОГДА СТАНЕТ ИМ ОТРАДНО ОТ ДОБРОГО ЗНАКА ПРИЯТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРИБЛИЖЕННЫХ АЛЛАХА И ИЗЛИЯНИЯ ИХ ДУХОВ СВЯТЫХ, ТО ОНИ НЕ ОТРИНУТ ИЗ УГОЛКОВ [СВОЕЙ] ПАМЯТИ И ПОМЯНУТ ДОБРОЙ МОЛИТВОЙ ВЗЯВШЕГОСЯ И ПОБУДИВШЕГОСЯ НА ЭТУ СБОР И СОСТАВЛЕНИЕ (ДЖАМ' ВА ТА'ЛИФ), КОТОРОЕ ИЗ-ЗА ОХВАТЫ ДУНОВЕНИЙ ПРИЯТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ШАЙХОВ, ДОШЕДШИХ ИЗ ОПЛОТОВ СВЯТОСТИ И ВОСПИТАВШИХ У ОБОЯНИЯ ДУШ ВОЖДЕЛЕЮЩИХ ПРИСУТСТВИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ, ИМЕНУЕТСЯ «ДУНОВЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ ОТ ПРИСНЫХ СВЯТОСТИ»¹³.

مأمول از مکارم اخلاقی و مراسم اشغال مطالعه کنندگان آن که چون ایشان را از ین انفاس طبیه اولیاء الله و پیغمبر ارواح مقدسه، ایشان وقت خوش گردد، متصدی و باعث این جمیع و تالیف را که به جهت اشتمال بر نفحات انفاس طبیه، مشایخ که از خطاب قدم رسیده و بر مشام جان مشتاقان محاضر انس ورزیده، مسمی گردد به نفحات الانس من حضرات القدس، از گوشه، خاطر فرو نگذارند و به دعای خیر یاد آورند.

Образец полностью вторичной компиляции, основанной лишь на сведениях из та'лифов, написанных ранее, демонстрирует труд известного проповедника Хусайна б. 'Али ал-Ва'иза ал-Кашифи (ум. 910/1504-5) *Рай-*

¹² См.: ал-Суйути. *Совершенство*. С. 17 (Предисловие Д. В. Фролова к переводу).

¹³ Джами. *Нафахат* (نفحات). С. 2-3.

Ал-Газали. Кими́я-йи са'адат. Столп второй: обычай

зат ал-шухада' («Сад мучеников», *روضۃ الشہداء*), посвященный трагически погибшим внукам Пророка — шиитским имамам ал-Хасану и ал-Хусайну — и их потомкам.

СЕЙ ПРЕЗЕННЫЙ нищий, Хусайн ал-Кашифи, да поддержит его Аллах скрытой милостью, занялся составлением (та'лиф) списка, в котором были бы описаны и упомянуты все жития людей испытания из пророков и избранных, шахидов...¹⁴

اين فقير العظير حسين الكاشفي، ايد الله باللطف الخفي، بتاليف نسخه، كه جامع حالات اهل بلاز
انبياء واصفیاء وشهداء >...> در وي مسطور و مذکور بود، اشتغال نماید.

К слову сказать, исторические работы и хроники за крайне редкими исключениями (см. ниже) в большинстве своем также относятся к вторичным та'лифам, как правило, примыкая к та'лифам более ранних историографов и дополняясь в конце событиями, происходившими при жизни составителя. Вот как описывает придворный тимуридский историк Хафиз-и Абру (ум. 834/1431) задание, данное ему Шахрухом:

ТАК ГОВОРЯТ МУ'АЛЛИФ СЕГО ТА'ЛИФА <...>, что <...> Шахрүх <...> В ВОСТОРГЕ от изучения перипетий ушедших [правителей] ПОЖЕЛАЛ, ДАБЫ [ЕЩЕ] ОДИН СБОРНИК НАВЕЛ ПОРЯДОК В ОТРАСЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК, СДЕЛАВ УКАЗАНИЕ НА КНИГУ *ТАРИХ* ТАБАРИ И НА *ДЖАМИ' АЛ-ТАВАРИХ* <...> ФАЗЛ АЛЛАХА Рашид ал-Хакк ва-л-дина <...>. Поскольку та книга [была написана] в конце владычества прощенного покойного султана Газан-хана <...>, то указание Августейшей мысли было обращено на то, чтобы в переписку вошло описание перипетий и поступков с записью известий о действиях владык и султанов, начиная с того времени вплоть до Августейших дней и счастливой эпохи, подробным образом до нашего дня, уже достигшего по хиджре даты 820 [= 1417 г.], так чтобы оно было приложением к [летописи] *Джами' ал-таварих* Рашиди. Он повелел сему рабу СОБРАТЬ (*джам*) эти события из различных рукописей...¹⁵

جنین گردید مؤلف این تالیف <...> که <...> شاهر <...> بنا بر شعفی که بمطالعه احوال گذشتگان
دارد، خواست که جنگی در فن تاریخ ترتیب نماید، یکتاب تاریخ طبری و جامع التواریخ <...> رشید
الحق والدین فضل الله <...> اشارت فرمود. و چون آن کتاب در آخر دولت سلطان مغفور غازان
خان <...>، اشارت خاطر همایون ملتافت آن شد که از آن وقت باز شرح احوال و افعال و تنبیه اخبار
آثار ملوك و سلطانین تا بایام همایون روزگار میباشد بر ترتیب مفصل کشته‌الی یومنا که تاریخ هجری
بهشتصد و بیست رسیده است، در قید کتابت اید چنانچه جامع التواریخ رشیدی را ذیلی باشد.
این بنده را مأمور گردانید که از نسخ متفرق این واقعات را جمع گردانند...

Другие жанры литературы, скажем, географические и лексикографические описания, каталоги (тот же библиографический *ал-Фихрист* Ибн ал-Надима) и словари, если они удовлетворяют отмеченным выше

ВВЕДЕНИЕ. ИМАМ АЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

критериям, а именно дескриптивному и констатационному характеру изложения, полному отсутствию или минимуму научного анализа, уже определенной форме подачи материала (заданной структуре текста), как будто бы тоже должны принадлежать та'лифу. Но это предположение, внешне логичное, требует отдельного исследования, обоснования и подкрепления фактами, что не входит здесь в мою задачу.

Появление и эволюцию та'лифа как вида научного творчества по-видимому надо связывать с развитием системы мусульманского образования, главной особенностью которого было изучение книг конкретных ученых. Некоторые из дошедших до нас средневековых сочинений не являются авторскими в современном понимании, то есть написанными непосредственно самими авторами, но представляют собой своего рода «заверенные» конспекты студентов, прослушавших тот или иной курс или точнее ту или иную книгу на заседаниях (*مجالس*), в кружках (*حلقات*) или на семинарах (*مناكرات*) мусульманских ученых¹⁶. Отдельные студенты старших курсов создавали из конспектов (*تعليقات*), переписанных на лекциях разных преподавателей или сделанных по разным книгам, свои джам'ы и та'лифы на темы, более всего вызывавшие их личный интерес или удовлетворявшие запросам тогдашнего интеллектуального рынка. Вполне возможно, что потом кто-то из них делал составление та'лифов под заказ средством зарабатывания на жизнь. Такая работа напоминает сбор элементов мозаики, когда каждый профессионально занимавшийся компиляциями мог составить свой собственный узор по уже заданному традицией образцу из имеющегося или вновь поступившего на интеллектуальный рынок материала: казалось бы, он не создавал ничего нового, лишь упорядочивал то, что оказалось в его распоряжении, но это была стандартизованная авторская компиляция, авторский свод или подборка. У ал-Газали, например, одна из его студенческих компиляций, под конец жизни сослужившая ему недобрую службу, называлась «Просеянное из конспекта по основам [фиха]» (*المنتخل من تعليق الاصول* *ta'lik al-usul*)¹⁷.

Огромное количество трудов, упоминаемых исследователями в связи с тем или иным именем мусульманскогоченого средневековья, порой поражает воображение: ал-Газали — от 100, Фахр ал-дин ал-Рази (ум. 606/1209) — от 200, ал-Суйuti — 600 и т. д., а ведь иные из них многотомные! Но все встает на свои места, если учитывать, что средневековые ученые отнюдь не гнушались написанием та'лифов.

Тасниф (تصنيف). Завершающую степень обработки информации — классификация материала, анализ и выводы — применительно к текстам религиозного содержания можно условно назвать сочинительством. Это

¹⁴ ал-Кашифи. *Раузат ал-шухада* (روضۃ الشہداء). Рук. СПБФ ИВ РАН, С 519. Л. 9в-10а.

¹⁵ Хафиз-и Абру. *Зубдат ал-таварих* (زبدۃ التواریخ). С. 1-2.

Ал-Газали. Кими́я-йи са'адат. Столп второй: обычай

высший вид научного творчества, высший пилотаж научной мысли. Со временем зарождения в форме тематических сборников хадисов он охватывает преимущественно, но не исключительно, сферу хадисоведения, отраслей фикха, богословия, философии и мистического познания у суфийев. Конечно же он включает в себя принцип авторского составления, однако с иным акцентом: если в та'лифе все-таки заметна хронологическая (в макроматах — от рождения до смерти шайха; в табакатах, тазиратах и исторических хрониках — от какого-то момента в прошлом до времени, в котором живет компилятор) или какая-то иная направленность (алфавитная, например), то для таснифа она не нужна, ибо в идеале мусанниф должен расположить в своей книге подаваемый материал уникально. В таснифе он тоже использует компиляторские приемы вторичного та'лифа (ведь все мусаннифы когда-то были студентами), но служат они здесь иной цели — показать новую грань исследуемого предмета, о чем мусанниф не преминет указать в предисловии-хутбе к своей книге.

Так, в начале *Ихъя'* ал-Газали делает весьма интересное замечание по поводу отличий своего сочинения, которое он в *Кими́я* определяет как тасниф (см. первую цитату данного Введения), от сочинений предшественников, тем самым невольно выделяя признаки таснифа.

По некоторым из этих понятий люди уже сочинили (*саннафа*) книги, однако данная книга отличается от них в пяти аспектах: во-первых, она развязывает то, что они связали, и раскрывает то, что они скжали; во-вторых, она упорядочивает то, что они рассеяли, и организует то, что разделили; в-третьих, она сокращает то, что они растянули, и фиксирует то, что они установили; в-четвертых, она удаляет то, что они повторяли, и подтверждает то, что они написали; в-пятых, она исследует темные аспекты, которые запутаны для понимания и вообще не затронуты в тех книгах¹⁸.

لقد صنف الناس في بعض هذه المعاني كتاباً، ولكن يتميز هذا الكتاب عنها بخمسة أمور: الأولى، حل ما عقدوا، وكشف ما جعلوه؛ الثاني، ترتيب ملبدده ونظم مافرقوه؛ الثالث، ايجاز ماطرلوه وبسط ما قرروه؛ الرابع، حذف ما كرروه وإثبات ما حارروه؛ الخامس، تحقيق أمور غامضة اعتماداً على الأفهام لم يتعرض لها في الكتب أصلاً.

Налицо все черты полноценного научного анализа, базирующегося на уже созданных письменных источниках и привлекающего устную традицию, как показывает текст, лишь в очень незначительной степени. Примерно то же самое спустя четыре века после ал-Газали говорит Джалал ал-дин ал-Суйути в предисловии к «Совершенству в коранических науках» (*ал-Иткан фи-‘улум ал-Курэн*, об одном сочинении, написанном им ранее):

¹⁸ ал-Газали. *Ихъя'*. Т. I. С. 4.

Введение. Имам ал-Газали и виды научного творчества

Я сочинил (*саннафу*) об этом книгу, которую назвал «Письменное изложение наук толкования». <...> Вот мне и пришло в голову выделить [в ней] те виды знания, которые раньше не излагались, и добавить те вопросы, о которых прежде не говорилось¹⁹.

صنفت في ذلك كتاباً، سميتها التحبير في علوم التفسير.<...> ظهر لي استخراج أنواع لم يسبق إليها وزيادات مهمات لم يستوف الكلام عليها.

Об уникальном расположении материала уже в самом *ал-Иткане* по сравнению с работами предшественников ал-Суйути говорит так:

МОЕ РЕШЕНИЕ ОБНАРОДОВАТЬ ТО, ЧТО ТАЙТСЯ ВО МНЕ, ОКРЕПЛО, И Я ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЗАХОТЕЛ НАПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ (*ал-тасниф*), КОТОРОЕ НАМЕТИЛ. <...> Я УПОРЯДОЧИЛ В НЕМ ВИДЫ БОЛЕЕ ПОДОБАЮЩИМ ПОРЯДКОМ, ЧЕМ В «ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ» [*ал-Заркаши*]. <...> НАЗВАЛ Я ЕГО «СОВЕРШЕНСТВО В КОРАНИЧЕСКИХ НАУКАХ». Если будет угодно Аллаху, ты увидишь, что КАЖДЫЙ УПОМЯНУТЫЙ В НЕМ ВИД ЗАСЛУЖИВАЕТ ОТДЕЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ²⁰.

قوى العزم على إبراز ما أصمرته وشددت الحزم في إنشاء التصنيف الذي قصدته>...> وربت أنواعه ترتيباً أنساب من ترتيب البرهان>...> وسميت بالاتفاق في علوم القرآن وستري في كل نوع منه، إن شاء الله تعالى، ما يصلح أن يكون بالتصنيف مفرداً.

Таким образом, не «демонстрируя поразительно современное понимание научной строгости»²¹, но лишь с целью наглядно показать, что его работа является таснифом, то есть имеет композиционные отличия от трудов предшественников, ал-Суйути приводит предисловия и оглавления ранних работ вкупе с использованной им библиографией, хотя такой подход в мусульманских сочинениях действительно редкость. Вопрос умалчивания работ предшественников, отсутствия ссылок на них и их скрытого цитирования также имеет свои особенности в таснифах и та'лифах. Обсуждение этих особенностей я оставляю за рамками данного Введения, чтобы не перегружать его.

Следует особо отметить, что разного рода экзегетика и толкования (*тафсир*, *та'вил*, *шарх*), полемические труды и опровержения (*радд*), предполагающие анализ уже имеющегося материала, равно как и исследования, выполненные вне очевидной связи с работами предшественников, как будто бы должны относиться к таснифу — по определению. К примеру, в тексте *Ихъя'* ал-Газали предваряет высказывание Ахмада б. Ханбала (164/780–241/855) об одном из сочинений ал-Хариса ал-Мухасиби (ум. 243/857), написанном в жанре опровержения, такими словами:

¹⁹ ал-Суйути. *Совершенство*. С. 31–32 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями).

²⁰ ал-Суйути. *Совершенство*. С. 37–38 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями и незначительными изменениями).

²¹ См.: ал-Суйути. *Совершенство*. С. 19 (Предисловие Д. В. Фролова к переводу).

Ал-ГАЗАЛИ. КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ. СТОЛП ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

Он [= Ибн Ханбал] расстался с ал-Харисом ал-Мухасиби, несмотря на его аскетизм и осмотрительность, из-за сочинения (*тасниф*) им одной книги об опровержении нововведенцев, сказав ему: «Горе тебе! Разве ты сначала не рассказываешь о каком-нибудь их нововведении и лишь затем опровергаешь их? Разве ты не подвигаешь людей своим таснифом к изучению этого нововведения и размышлению о тех сомнениях, что призывает их к самостоятельному суждению и изысканию?»²²

هجر العرث المحاسبي مع زهده وورعه بسبب تصنيفه كتاباً في الرد على المبتدعة وقال له:
”ويحك! ألسنت تحكى بدعنتهم أولاً ثم ترد عليهم؟ ألسنت تحمل الناس بتصنيفك على مطالعة
البدعة والتفكير في تلك الشبهات فيدعونهم ذلك إلى رأي والبحث؟“

Однако в некоторых таснифах, принимая во внимание приемы компликации, используемые при их написании и характерные для вторичных та'лифов, вполне возможен больший уклон в ту или иную сторону. И на сегодня пока трудно сказать, какая степень обработки информации и какое процентное соотношение между синтезом и анализом должны быть в одной книге, чтобы объективно назвать ее таснифом, а ее автора мусанифом в случае, если, к примеру, мы лишены авторского предисловия или читаем сочинение анонима, или приписываемое кому-то сочинение.

Так, ранний современник ал-Газали — Абу-л-Хасан ал-Худжвири (ум. между 465/1072 и 469/1077 гг.), обосновывая введение своего имени в текст²³, в начале книги *Каиф ал-махджуб* («Раскрытие скрытого за завесой», *(كشف المحرج)* — самой первой крупной работы по суфизму на персидском языке, которую он по всей видимости относит к таснифу, отмечает все три степени обработки информации. Однако в данном случае надо помнить о том, что ал-Худжвири очень много путешествовал, а значит — вводил солидный объем сведений из устной традиции в письменную. Возможно поэтому он упоминает все три вида научного творчества:

То, что в начале книги я поставил свое имя, исходило из двоякого желания: одно — удел избранных, другое — удел общий. Что касается

²² ал-Газали. *Ихъя*. Т. 1. С. 88; Т. 2. С. 145. Во втором томе *Ихъя* ал-Газали вновь приводит этот пример, называя тасниф ал-Мухасиби как «Опровержение му‘тазилиотов»:

هجر العرث المحاسبي في تصنيفه في الرد على المعتزلة وقال: ”انك لا بد تزد أولاً شبهتهم وتحمل الناس على التفكير فيهاهم“.
”ترد عليهم“.

²³ Введение имени сочинителя в текст сочинения, похоже, еще не было широко распространено в XI–XII вв., ал-Газали тоже не вводил своего имени в написанные им сочинения. Вся информация об авторе и/или передатчике авторского текста содержалась в разрешительной записи (*иджисе*), сопровождавшей текст и превращавшей копию в авторизованную и верифицированную, то есть в *асл* [Подробнее см.: Полосин. «Фикресп» Ибн ал-Надима]. Подложные асы. сфабрикованные для двух из книг ал-Худжвири, и вызвали его справедливое негодование.

ВВЕДЕНИЕ. ИМАМ АЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

общего удела, то он — в том, что если невежественные в данном знании увидят какую-нибудь новую книгу, в которой имя ее мусанифа не зафиксировано в разных местах, то они могут приписать такую книгу себе, из-за чего мусаниф не достигнет своей цели. Ибо желание собирать, составлять и сочинять (*джам’ ва та’лиф ва тасниф кардан*) заключается лишь в том, чтобы имя мусанифа жило благодаря той книге, а читатели и обучающиеся поминали его добрыми молитвами²⁴.

آنچ بايداء کتاب نام خود ایبات کردم، مراد ازین دو چجز بود: یکی نصیب خاص و دیگر نصیب عام. آنچ نصیب عام بود، آنست کی چون جهله، این علم کتابی نویسنده کی نام مصنف آن بجهنده جای بران مثبت نباشد، نسبت آن کتاب بخود کشند و مقصد مصنف ازان بر ناید کی مراد از جمع و تالیف و تصنیف کردن بجز آن نباشد. کی نام مصنف بدان کتاب زنده باشد و خوانندگان و متعلم ان ویرا دعاه خیر گویند.

Характеризуя сочинения Хусайна б. ал-Мансура ал-Халладжа, казненного в 309/922 г. по обвинению в богохульстве за слова *Ана-л-Хакк* («Аз есмь Истинный»), ал-Худжвири невольно указывает на то, что сочетание синтеза и анализа может встречаться в книгах:

В ЕГО КНИГАХ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЕГО СОЧИНЕНИЯМИ (МУСАННАФАТ), НЕТ НИЧЕГО КРОМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ [Истины]²⁵.

اندر کتب وی که مصنفات دیست، بجز تحقیق چیزی نیست.

Наверное, принадлежность к тому или иному виду определяется не только характером привлеченных источников (устных и/или письменных, та'лифов и/или таснифов), их количеством, наличием стандартизации в подаче материала или ее изменением, но и авторской оценкой собственного труда, которая напрямую связана со статусом автора. Последний, думается, надо считать в числе одного из основополагающих критерии для написания таснифа. Ведь научными исследованиями могли заниматься в основном те, кто обладал необходимыми познаниями, достиг высот в изучении огромного корпуса мусульманских наук и овладел методологией научного анализа одного или нескольких мазхабов (религиозных школ). А все это уже и тогда требовало достаточно усилий и времени. Тот же ал-Сийuti, говоря кратко об истории коранической экзегетики, показывает все три вида научного творчества, верхом которого является тасниф:

За ними [= ДРЕВНЕЙШИМИ КОММЕНТАТОРАМИ] ИДЕТ РАЗРЯД ТЕХ, КТО СОСТАВЛЯЛ ПИСЬМЕННЫЕ ТАФСИРЫ, В КОТОРЫХ БЫЛИ СОБРАНЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

²⁴ ал-Худжвири. *Каиф* (كتف). С. 1–2. В русском переводе с английского эта разница в терминах невелирована. См.: ал-Худжвири. *Раскрытие*. С. 2.

²⁵ ал-Худжвири. *Каиф* (كتف). С. 334. Русский перевод с английского в этом месте не удовлетворяет смыслу авторского высказывания. См.: ал-Худжвири. *Раскрытие*. С. 258.

Ал-Газали. Кимийа-ий са'адат. Стадп второй: обычаи

СПОДВИЖНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ. <...> ЗАТЕМ КОММЕНТАРИИ ПРИНЯЛИСЬ СОСТАВЛЯТЬ ('АЛЛАФА') РАЗНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ УРЕЗАЛИ ИСНДАЫ И НЕБРЖНО ПЕРЕДАВАЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПЕРВЫХ. <...> ЗАТЕМ КОММЕНТАРИИ НАЧАЛИ СОЧИНЯТЬ ('САННАФА') ЛЮДИ, ПРЕУСПЕВШИЕ В НАУКАХ, И КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ОГРАНИЧИВАЛСЯ В СВОЕМ КОММЕНТАРИИ ТОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ, КОТОРОЙ ОВЛАДЕЛ ЛУЧШЕ ВСЕГО²⁶.

ثم بعد هذه الطبعة ألقت تفاسير تجمع اقوال الصحابة والتابعين <...> ثم ألف في التفسير خالق فاختصروا الاسانيد ونقلوا الاقوال ترتى <...> ثم صنف بعد ذلك قوم برعوا في علوم فكان كل منهم ينحصر في تفسير علم الفن الذي يغلب عليه.

Иными словами, последняя категория упомянутых ал-Сутий людей обычно представляла ученую элиту, имамов и муджтахидов своего времени. Среди них формально лишь муджтахиды первой (сподвижники Пророка и основатели мазхабов) или второй степени (их высокообразованные ученики и продолжатели) могли по статусу высказывать свое собственное мнение по вопросам основ/корней (*усул*) и производных/ветвей (*фуру'*) теологии и права. При этом их статус отнюдь не лишал их возможности собирать и составлять разного рода сборники, своды и компиляции-та'лифы, чем могли заниматься и муджтахиды рангом ниже, но в первую очередь он давал им полное право проводить свои научные изыскания, при желании воплощая их в написании оригинальных таснифов, что подтверждается словами ал-Шаҳрастани:

Между этими двумя школами [существуют] многочисленные разногласия по ветвям (*ал-Фуру*) [Фикха], по которым у них имеются таснифы и вокруг которых у них [ведутся] диспуты. <...> Но из этого не следует ни обвинение в неверии, ни обвинение в заблуждении. Нет, каждый муджтахид прав, как мы [уже] упомянули²⁷.

بين الفريقين اختلافات كبيرة في الفروع، ولهما تصانيف وعليها مناظرات <...> وليس بذلك تكفل، ولا تصلح لها، كما معهده مقص كما ذكرنا.

Приведу по ал-Худжвири лишь несколько имен авторов и их социально-религиозный статус, позволявший им писать таснифы:

ал-Харис ал-Мухасиби (ум. 243/857) — «имам <...> и шайх шайхов Багдада, <...> у него есть много таснифов»).

Абу Мухаммад Рувайм б. Ахмад (ум. 303/915) — «имам эпохи, <...> в свое время бесподобный в отраслях знаний, <...> у него есть тасиғи об этом тарикате» (ابن حسان: سیف الدین طریق).

Введение. Имам ал-Газали и виды научного творчества

‘Амр б. ‘Усман ал-Макки (ум. 291/903 или 297/909) — «один из великих и из саййидов приверженцев тариката, у него есть известные таснифы по истинам данной науки» (*روا تصانيف مشهود بكتابه*, *حقائق ابن علم*).¹⁰

Мухаммад б. 'Али ал-Тирмизи (ум. ок. 300/910) — «был совершенным и имамом в отраслях наук, одним из уважаемых шайхов; таснифов у него много, и прекрасных»:
ابن تيمية

Абу-л-Касим ал-Кушайри (ум. 465/1072) — «учитель-имам и украшение ислама <...>, он был изумительным в свое время, имел высокий чин и великий статус; <...> у него много изящных высказываний и ценных таснифов, во всех — исследование [Истины]»²⁸.

То же самое ал-Худжвири говорит и о ряде других выдающихся деятелей ислама и суфизма. Очевидно можно вести речь о том, что каждый из таснифов этих мыслителей и тех, кто затем пришел им на смену, был шагом вперед в познании Бога и человека, а некоторые из них до сих пор остаются непревзойденными щедеврами полета человеческой мысли.

В свете сегодняшних российских реалий все упомянутые виды научного творчества отчасти допустимо сравнить с написанием реферата, квалификационной или дипломной работы студентом — стандартизованный вторичный та'лиф, с одной стороны, и докторской диссертации, которая в идеале конечно должна быть таснифом, с другой. Кандидатская диссертация в данной парадигме предстает неким сочетанием того и другого, имея в каждом конкретном случае больший уклон либо к та'лифу, либо к таснифу. Таким образом, средневековый мусанниф мог одновременно быть и му'аллифом, собрав и составив, например, макамат своего учителя или шайха, тогда как му'аллифом мог стать, по-видимому, вообще любой грамотный человек, получивший более или менее хорошее религиозное образование (а другого тогда и не было).

Хотя я не склонен думать, что указанные виды научного творчества, включая стандартизованный традицией та'лиф, представляли собой в то время явления массовой культуры, тем не менее, в данном случае, наверное можно говорить о так называемой литературе «общих мест» (толосов), довольно хорошо изученной в контексте эволюции европейской средневековой литературной традиции²⁹. В равной степени речь также может идти о базовой формуле жанра, о формульном наборе или, если угодно, литературном каноне, присущем тому или иному типу произведений. Этот канон с течением времени себя изживал, уступая место другому канону, иному формульному набору. Применительно к предмету данного иссле-

²⁶ ал-Сүйути. Совершенство. С. 106–108 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями и незначительными изменениями).

²⁷ ал-Шахрастани. *Китаб ал-милал*. С. 182 (перевод С. М. Прозорова с моими незначительными изменениями и сокращениями)

²⁸ ал-Худжвири. *Каиф* (كَافِ). С. 134; 170; 174–175; 177–178; 209 (соответственно приведенным цитатам). — Смотреть надо персидский оригинал, поскольку в русском переводе с английского термин *тасниф* не отражен.

²⁹ Базовой работой по этой теме на сегодня продолжает оставаться исследование, выполненное в середине прошлого века: Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*.

Ал-ГАЗАЛИ. Кимија-їи са'адат. Столп ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

дования это означает, что каждый тасниф в той или иной степени предлагает изменение рамок жанровых традиций, принятых ранее и зафиксированных в предшествующих та'лифах, а также их замену на новую формулу в подаче и/или в содержании предлагаемого материала. Приведу лишь один пример из самой, казалось бы, консервативной отрасли средневековой науки — историографии, которая в основном представлена вторичными та'лифами, ограниченными заданной хронологией событий и использующими сплошь и рядом та'лифы предшественников. Где уж тут найти возможность для изменения существующей формулы, для новаторского таснифа? Можно, оказывается. В раннесредневековой персоязычной историографии таким таснифом является «История Байхаки» (*Тарих-и Байхаки*, تاریخ بیهقی) / «История Мас'уди» (*Тарих-и Мас'уди*, تاریخ مسعودی) упоминавшего выше Абу-л-Фазла Байхаки, высокопоставленного чиновника посольского дивана и раннего современника ал-Газали, писавшего об эпохе Газнавидов и скончавшегося в 470/1077 г. уже при Салджуках.

Альфред Карлович Арендс (ум. 1976) в нескольких местах текстологического исследования к своему очень качественно выполненному переводу *Тарих-и Байхаки* абсолютно справедливо замечает: «Существовавшая в ту пору историография перестала удовлетворять Абу-л-Фазла и он, нарушая привычный канон, внес в нее ряд новшеств, которые сразу же доставили его труду превосходство над произведениями старых хронистов. <...> Такой манеры повествования мы у других писателей той эпохи не встречаем. Это, очевидно, на языке Абу-л-Фазла означало "выметать прах из всех углов и закоулков" и было в ту пору ново». Примечательно и то, что ряд читавших текст зарубежных востоковедов, по словам переводчика, затруднялись найти название для такого исторического сочинения, именуя его то «записками умного наблюдателя», то «мемуарами», то «дневником газнавидского чиновника». «Однако, — заключает Арендс, — сам автор всюду называет свой труд словом *ta'rikh*, т. е. хроникой, историей, летописью, и нам думается, "Историю Мас'уда" так и следует рассматривать, ибо тогда Абу-л-Фазл Байхаки предстает перед нами как новатор, попытавшийся придать историографии новую форму и влить в нее новое содержание. <...> В результате, благодаря его достоинствам отличного стилиста, писательскому таланту и литературному вкусу появилась на свет не только насыщенная разнообразными фактами правдивая летопись, как можно судить по "Истории Мас'уда", но одновременно и замечательное для той эпохи произведение художественной прозы. Подчас даже становится трудно решить, какому аспекту его труда отдать преимущество: историческому или литературному»³⁰. Лучше тут не скажешь. Остается только добавить, что

³⁰ См.: Байхаки. *История*. С. 6, 15, 27 (От переводчика). Текст всей книги, правда, с умопомрачительным количеством опечаток, не отложенных после сканирования и распознавания печатной версии, доступен также на сайте: www.vostlit.by.ru (адрес часто меняется).

ВВЕДЕНИЕ. ИММАЛ ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

такова характеристика довольно редкого явления в средневековой историографии — исторического таснифа. Сам Байхаки, прекрасно осознавая оригинальность своего *Тариха* и его отличия от работ предшественников на этом же поприще, более десятка раз именует его таснифом и, как мы видим по впечатлениям и оценкам уже наших современников, вполне объективно.

В прочих историях нет такой пропранности, ибо они смотрели на события проще и упоминали лишь толику [из них]. Я же, взявшись за этот труд, хочу полностью воздать сему *Тариху* по справедливости и вынести прах из всех углов и закоулков, давы ничто из происшедшего не осталось скрыто. <...> В *Тарихе*, который я делаю, я не обмолвлюсь ни единственным словом, могущим повести к пристрастным толкам и омрачению, давы читатели этого таснифа не говорили: да будет стыдно сему старику! Наоборот, я расскажу такое, в чем читатели со мной согласятся и никакого упрека мне не выразят. <...> Эти события весьма прекрасно описал уstad Махмуд Варрак в *Тарихе*, который он [начал] делать в триста пятидесятом году [= 961-2], введя [в него] несколько тысячелетий до лета четыреста девятого [= 1018-19]. Он остановил перо в силу того, что я начал [свой *Тарих*] с этого девятого года. Сей Махмуд — человек достойный доверия (*сикка*), с его мнением считаются. В похвалу ему у меня имелось пространное слово. Я видел до десяти-пятнадцати его редких та'лифов по различным вопросам³¹.

در دیگر تواریخ چنین طول و عرض نیست که احوال را آسانتر گرفته اند و شده، بیش یاد نکرده اند.
اما من چون این کار پیش گرفتم، میخواهم که داد این تاریخ بتمامی بدهم و گرد زوایا و خبایا بر گردم
تا هیچ چیز از احوال پیشیده نماند. <...> در تاریخ که من میکنم، سخنی نزانم که آن بتعصی و
تربیتی کشد و خوانندگان این تصنیف گویند: شرم باد این پیر را! بلکه آن گوین که تا با من
خوانندگان اندرين موافقت کنند و طعنی نزنند. <...> این حالها استاد محمود وراق سخت نیکو
شرح داده است در تاریخ که گرده است در سنه خمسین و ثلثاهانه، چندین هزار سال را تا سنه تسع
و اربعاهانه بیاورده و قلم را بداشتہ بحکم آنکه من ازین تسع آغاز کردم. و این محمود تقه و مقبول
القول است و در ستایش وی سخن دراز داشتم و تا ده پانزده تأسیف نادر وی در هر بابی دیدم.

Вопрос о том, прижилась ли в историографии новаторская формула таснифа Байхаки, став образцом для подражания в последующих та'ли-

³¹ Байхаки. *Тарих-и Байхаки* (تاریخ بیهقی). С. 11, 179, 261–262. Автор именует свой труд таснифом также на с. 273. Автор именует свой труд таснифом также на с. 421 (یاد کنم جدایکنه درین تصنیف این حالها را...), с. 396 (امروز که این تصنیف میکنم...), с. 466 (درین تصنیف بیاورده ام که...), с. 453 (چنین حکایات از آن آرم. هر چند در تصنیف سخن دراز نیشود. که...), с. 466 (چنانکه در بابی مفرد درین تصنیف بیامده است), с. 527 (اکنون بر جای است که این تصنیف میکنم), 499 (چنانکه بیاند پس ازین در تصنیف), 640 (چنانکه چند چیز دیگر درین تصنیف نیشته آمده است), с. 630 (چنانکه چند جای درین تصنیف بیاورده ام), 667 (چنانکه در تصنیف شرح گرده ام), 680 (چنانکه باز تعالم درین تصنیف بجای خوش), 656 (من ناجا در تصنیف کار خوش میکنم) (توفیق خواهم از ایزد عز ذکره بر تمام کردن این تصنیف).

Ал-Газали. Кимиа-ий са'адат. Столп второй: обычай

фах этого жанра литературы, на мой взгляд, пока следует оставить открытым. Он требует дополнительного изучения с точки зрения введенной оппозиции тасниф-та'лиф, хотя Арендс полагал, что «стиль и манера Абуль-Фазла Байхаки, к сожалению, не привились в литературной прозе на языке фарси-дари и в последующие эпохи к ним не возвращались»³².

Научно-религиозные таснифы в отличие от историографических — явление вполне обычное. Но здесь уместно добавить, что научное исследование высокого уровня, естественно, невозможно без методологии научного анализа — последней и тоже основополагающей характеристики таснифа. В разных мусульманских религиозно-правовых школах ей присущи свои особенности. И именно по методологии таснифы, написанные на одну тему и в рамках одного жанра, но учеными разных школ и течений, должны принципиально отличаться друг от друга. Об одном из методологических подходов ал-Газали, которого он придерживается и в *Ихъя'* и в *Кимиа*, я уже говорил в исследовании к первой части перевода *Кимиа*³³. Поэтому здесь лишь вкратце напомню, что тот представляет собой традиционную манеру аргументации, принятую по крайней мере среди суннитов в некоторых сочинениях по фикху и богословию³⁴ (обо всех судить не берусь): обозначение темы (заголовком или тезисно) → канонический блок (цитаты на заявленную тему из Корана, если есть, затем хадисы/хабары, асары) → размышления, выводы и заключения автора → сравнение и иллюстрация (притчи, примеры, рассказы или образы, взятые из повседневной жизни). Иногда там, где идут рассуждения о внутреннем скрытом смысле, ал-Газали перераспределяет указанные элементы: авторское раскрытие смысла → сравнение и иллюстрация → канонический блок в подтверждение, если оно необходимо. Такова в самых общих чертах методология исследования, присущая имаму в этих двух сочинениях. Тогда как, скажем, у Ибн ал-'Араби (ум. 638/1240) в его известных таснифах манера подачи материала выглядит несколько иной.

Среди особенностей подхода ал-Газали следует отметить ту степень свободы в обращении с хадисным материалом, которая немыслима с точки зрения, скажем, профессионального мухаддиса. Она гораздо более заметна в *Кимиа*, нежели в *Ихъя'*, но едва ли объяснима одним лишь

³² Байхаки. *История*. С. 33 (От переводчика).

³³ ал-Газали. *Кимиа*. Ч. I. С. XL-XLIV.

³⁴ См., например: Абу Йусуп. *Китаб ал-харадж*; Д. В. Фролов в своих комментариях к тексту ал-Суйути также отмечает «чисто логическую четырехчленную иерархию источников комментирования», которая в целом совпадает с методологией ал-Газали. См.: ал-Суйути. *Совершенство*. С. 195–196.

Введение. Имам ал-Газали и виды научного творчества

«ненаучным» персидским языком и неискусенным адресатом книги: порой хабары-хадисы даны в урезанной форме, временами в их персидском переводе делается явная замена одних определений на другие, а иногда ал-Газали совмещает в одном хадисе по два извода (*آیه*) или вообще сводит два хадиса в один³⁵. Все нацелено на отражение в тексте сочинения самой сути пророческого высказывания. По-видимому, такую обработку канонической информации автор считал вполне приемлемой для своего статуса и статуса своего сочинения.

Возвращаясь к виду научного творчества, в рамках которого работал ал-Газали, следует заключить, что текст *Кимиа-ий са'адат* это не только изложение на родном автору персидском языке, сокращение и часто реструктуризация представленного в *Ихъя'* 'улум ал-дин материала, но и введение нового на основе дополнительно привлеченных источников, то есть по всем рассмотренным признакам здесь мы объективно имеем еще один авторский тасниф, что и сам ал-Газали подтверждает в конце *Кимиа*, называя себя мусаннифом.

На этом мы завершим книгу, надеясь, что каждый, кто прочитает данную книгу и извлечет отсюда пользу, не забудет мусаннифа книги в молитве и попросит для него у Всевышнего Истинного прощения и помилования...³⁶

كتاب بر این ختم کنیم و او میدوایرم که هر که این کتاب بخواند و از اینجا فایده گیرد که مصنف
کتاب را به دعا فراموش نکند و از حق تعالی وی را عفو و آمرزش خواهد ...

С другой стороны, можно совершенно определенно говорить о том, что в свою очередь текст *Кимиа-ий са'адат* сыграл основную роль при написании в сех последовавших, немногочисленных и небольших по объему персоязычных сочинений ал-Газали.

Надеюсь, в этом вынужденно кратком исследовании мне удалось поднять проблему видов научного творчества в средневековом исламе и показать, что она существует и требует пристального внимания при работе с источниками, в первую очередь нуждающимися в идентификации по виду творчества, а уж затем по жанру, как при их переводе на русский язык, так и при составлении разного рода каталогов, в которых на сегодня, к сожалению, не всегда отражаются указания составителей та'лифов и сочинителей таснифов, сделанные ими в предисловиях применительно к тому, что представляет собой их труд.

³⁵ Все эти случаи отмечены в комментариях к тексту перевода.

³⁶ ал-Газали. *Кимиа*. Т. 2 / Изд. Х. Хадивджама. С. 638; А. Арама. С. 881 (слегка иначе).

Ал-Газали. Кимиийа-йи са'адат. Столп второй: обычай

Некоторые проблемы современных переводов сочинений ал-Газали на русский язык

Буквально за последние несколько лет усилиями отдельных мусульманских издательств русскоязычная переводная литература по исламу обогатилась сразу несколькими сочинениями ал-Газали:

1. *Бидаятуль Гыйдаят* (Начало наставления на истинный путь) / Пер. с араб. Шамиля ибн Омара. Махачкала, 2000.
2. *Наставление верующим. «Воскрешение религиозных наук» Абу Хамида аль-Газали (1058–1111) в кратком изложении шейха Мухаммада Джамаль ад-дина аль-Касими* / Пер. с араб. Владимира Абдаллы Нирша. М.: «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим» (благотворительный фонд), 2002.
3. *Наставление правителям* / Пер. с араб. Аэлты Минияновой // Абу Хамид аль-Газали. «Наставления правителям» и другие сочинения. М.: «Ансар», 2004. С. 12–158.
4. *Ниша света* / Пер. с англ. Хиндола Мадраимова // Абу Хамид аль-Газали. «Наставления правителям» и другие сочинения. М.: «Ансар», 2004. С. 199–252.
5. *Возрождение наук о вере. Избранные главы* / Пер. с араб. Ильшата Насырова // Абу Хамид аль-Газали. «Наставления правителям» и другие сочинения. М.: «Ансар», 2004. С. 253–311.
6. *Весы деяний (Мизан аль-амаль)* / Пер. с араб. Аэлты Минияновой. М.: «Ансар», 2004. С. 5–135.
7. *Наставление сыну* / Пер. с араб. Аэлты Минияновой // Весы деяний (Мизан аль-амаль). М.: «Ансар», 2004. С. 137–156.

Кроме того в сборниках издательства «Ансар» были переизданы опубликованные ранее:

8. *Божественное знание* / Пер. с перс. А. Хисматулина // Абу Хамид аль-Газали. «Наставления правителям» и другие сочинения. М.: «Ансар», 2004. С. 167–198. Первое изд.: ал-Газали. *'Илм-и ладуни* // А. А. Хисматулин. *Суфизм*. СПб.: ПВ, 1999. С. 215–267.
9. *Книга, избавляющая от заблуждений* / Пер. с араб. А. Сагадеева // Весы деяний (Мизан аль-амаль). М.: «Ансар», 2004. С. 157–211. Первое изд.: Газали. *Избавляющий от заблуждения* / Пер. с араб. А. Сагадеева // С. Н. Григорян. *Из истории и философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. (с приложением избранных философских произведений Фараби, Газали и Маймонида)*. М.: АН СССР, 1960. С. 211–266.

Таким образом, с учетом двух других, изданных еще в советское время работ ал-Газали:

ВВЕДЕНИЕ. ИМАМ АЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

10. Газали. *Ответы на вопросы, предложенные ему* / Пер. с древнеевр. А. И. Рубина // С. Н. Григорян. *Из истории и философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. (с приложением избранных философских произведений Фараби, Газали и Маймонида)*. М.: АН СССР, 1960. С. 196–211.
11. ал-Газали. *Кустас ал-мустаким* / Пер. с араб. В. В. Наумкина // ал-Газали. *Воскрешение наук о вере («Ихъя' 'улум ад-дин»)*. *Избранные главы*. М.: ГРВЛ, 1980.

общее число переведенных на русский язык сочинений имама перевалило за десяток, что, само по себе, внушает оптимизм.

Однако значительное количество разных переводов обнаруживает значительное количество одинаковых проблем, которые пока что не находят адекватного решения. Отсюда вытекает необходимость нарушить табу на критику мусульманских изданий в академических работах и наоборот, принятые негласно еще в советское время и существующие до сих пор, что, по-моему является обоядной близорукостью и требует пересмотра по ряду основных причин.

Во-первых, если для академических переводов мусульманской средневековой литературы имеется хотя бы призрачная возможность для критики — я говорю хотя бы, поскольку на сегодня научное сообщество в данной области фактически приказалось долго жить, а ученых, занимающихся этим делом в России на академическом уровне, остались считанные единицы, то мусульманские издания не только не имеют такой возможности, но еще в начале советского периода утратили традицию критики в первую очередь по отношению к самим себе. Другими словами, в них в принципе не предусмотрена обратная связь с читателем, а равно отсутствует и механизм этой связи (по крайней мере, я не встречал какого-либо мусульманского периодического издания или интернет-сайта, где был бы хотя бы раздел, посвященный конструктивной, а не огульной критике издаваемых переводов).

Во-вторых, академическим востоковедением выработаны подходы к изданию переводов арабографической литературы (транслитерация имен собственных и географических названий, передача религиозных терминов, оформление справочно-библиографического аппарата, указателей и т. д.), которые, полностью отвечая мировым требованиям к изданию такого рода сочинений, могли бы применяться при издании переводов и мусульманскими издательствами, но увы, не применяются, хотя ничуть не ущемляют религиозные чувства мусульман. В частности, я имею в виду такие, наиболее распространенные вещи:

- 1) отсутствие указания на источник или издание, с которого выполнялся перевод, что делает невозможным его проверку по оригиналам при желании уточнений со стороны читателя, то есть читатель фактически вынужден

Ал-ГАЗАЛИ. КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ. СТОЛП ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

принять на веру, что а) читает сочинение такого-то мусульманского автора, иногда даже не зная оригинального названия, и б) перевод соответствует оригиналу без каких-либо искажений;

2) смешение понятий транслитерации (письменного фиксирования написания иноязычного слова) и транскрипции (письменного фиксирования произношения этого слова) с использованием второй вместо первой при написании арабографических имен собственных и географических названий: «malako», «аль-», Медина, Юсуф, Магомет и т. д. — транскрипция, «moloko», «ал-», ал-Мадина, Июсуф, Мухаммад — транслитерация; примеров транскрипции одного и того же слова могут быть десятки (включая особенности индивидуального произношения), в то время как транслитерация всегда устойчива; в конце концов, мы читаем письменный перевод, а не слушаем устный;

3) нежелание переводчиков находить в русском языке и вырабатывать наиболее точные эквиваленты для арабских терминов и слов, когда, например, *иман* («вера», *إيمان*) и *дин* («религия», *دين*), а иногда и *и'tikad* («убеждение», *اعتقاد*) переводятся как «вера», или когда, скажем, *мазмум* («порицаемое», *مذموم*), *мункар* («отвергаемое», *منكر*), *макрух* («презренное», *مکرور*) без разбора переводятся как «порицаемое» или «неодобряемое», хотя каждое из этих слов является строгим юридическим термином со своей семантикой и сферой применения. То же самое касается терминов *харам* (حرام), *хазр-махзур* (محظوظ - محظوظ), *нахий-мунхийат* (نهي - منهيات), для которых в русском языке почему-то не находится своего синонимического ряда, и все они переводятся как «запрещение-запрещенное» без какого-либо, пусть даже формального разведения. Такой упрек отражает общее, исторически объяснимое, однако, на мой взгляд, до сих пор неудовлетворительное состояние в разработке устойчивой и адекватной русскоязычной терминологии по лексикологии Корана и фикху. На «добро», «зло», «благо» и производные от них приходится по три-четыре арабских лексемы от разных корней и соответственно с различными смысловыми оттенками. Или наоборот, какое-нибудь арабское слово в начале текста передается одним русским эквивалентом, в середине без каких-либо обоснований (исключая, конечно, настроение переводчика, перерывы в работе и прочие субъективные факторы) — другим, а в конце — третьим. Все сказанное касается и существующих на сегодняшний день переводов Корана, ни по одному (!) из которых нет, да и невозможно составить русскоязычного конкорданса в силу отсутствия в них унификации лексики перевода;

4) отсутствие указателя (хотя бы имен собственных и топонимов) в конце книги, когда читателю, допустим, близок по духу и образу жизни Бишр ал-Хафи, то чтобы найти о нем что-то в книге, он вынужден читать ее всю, от корки до корки, и возможно напрасно, что отнюдь не отвечает современным требованиям к подаче информации. Что уж говорить о других

ВВЕДЕНИЕ. ИМАМ АЛ-ГАЗАЛИ И ВИДЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

указателях (терминов, профессий и т. п.), для которых просто необходима сквозная унификация лексики по тексту перевода, и если ее нет, то указатель составить просто невозможно, или он не будет отражать употребление лексики в тексте оригинала.

Если все сказанное по непонятным причинам считается российскими мусульманскими издательствами признаком неакадемического издания, то есть издания, подготовленного верующими для верующих, то отношение к верующему читателю в мусульманских странах, где такого рода сочинения готовятся «по умолчанию» издателями верующими, куда более ответственное. Книга без указателей или без ссылок на источники в Исламской Республике Иран считается, что у нас называется, научно-популярной. Приведу лишь один пример, поразивший меня особенно сильно. Недавно в Иране был издан критический текст известной работы шайха Накшбандийа, факиха Мухаммада Парсы *Фасл ал-хитаб* («Окончательное решение», *فصل الخطاب*)³⁷, где на 700 страниц убористого текста самого автора было представлено: 75 стр. предисловия редактора с разбором источников и самого текста сочинения, 118 стр. концевых ссылок с указанием сочинений, которыми пользовался Парса, указатель цитированных аятов и сур Корана на 16 стр., указатель хадисов на 17 стр., именной указатель на 31 стр., указатель географических названий и топонимов на 3 стр., указатель упомянутых сочинений на 10 стр., указатель названий религиозных школ и ответвлений на 7 стр., указатель цитированных стихов на фарси на 2 стр., указатель арабских стихов на 2 стр., указатель терминов и слов на 90 стр. (!), список источников и литературы на 13 стр. То есть справочно-библиографический аппарат занял 1/3 объема от данного текста, чем был достигнут идеальный вариант научного издания религиозного текста, позволяющий пользоваться такой публикацией в полной мере. Ничего подобного пока даже близко нет в работе мусульманских издательств России по публикации переводов средневековой мусульманской литературы, одобренных, кстати, Экспертными советами ДУМОв. Что уж говорить об издании арабографических средневековых текстов: традиция давным давно исчезла в российской умме.

Игнорирование научного подхода нередко дает о себе знать негативными последствиями, которые чаще всего выражаются в искажении имен мусульманских деятелей прошлого, а то и откровенно дезинформирует читателя. Так, в данном переводе *Насихат ал-мулук* («Наставление правителям»)³⁸ мало того, что искажены до неузнаваемости часть арабских и

³⁷ Парса. *Фасл ал-хитаб* (فصل الخطاب). — Название взято автором из Корана: 38: 19 (20).

³⁸ *Наставление правителям* / Пер. с араб. А. Минниевой // Абу Хамид ал-Газали. «Наставление правителям» и другие сочинения. М.: «Ансар», 2004. С. 12–158. Второе издание [М.: «Ансар», 2005], несмотря на заверения издателей о сделанных исправлениях, мало чем отличается от первого.

Ал-Газали. Кими́я-йи са'адат. Столп ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

большинство персидских имен собственных (даже с учетом отсутствия в арабском алфавите четырех персидских букв), но, самое главное, из 146 страниц текста лишь первые 36 страниц, одна четвертая (!) принадлежат перу ал-Газали [С. 12–48]. Все остальное, так называемая «вторая часть», начиная с Главы I и до конца [С. 49–158], текст другого автора, о чём, к слову сказать, уже упоминалось в том же сборнике в предисловии к переводу *Рисала ал-ладунийя* («Послания о божественном знании») [С. 169]. Подлинный текст *Насихат ал-мулук*, то есть его первые 36 страниц, на 90% представляет собой рекомпиляцию материала из десятой основы второго рукна *Кими́я-йи са'адат* под заголовком «Об обладании подданными и управлении» (в *Ихъя* отсутствует) и материала из третьего ‘унвана «В мистическом познании дальнего мира», ранее уже опубликованного³⁹. Этот материал был реструктурирован и скомпилирован автором с добавлением соответствующих текстовых связок, обращений к правителью и пары дополнительных примеров из *Ихъя*, что и охватывает оставшиеся 10%.

В Приложении А к настоящему изданию дан перевод первой и достоверно аутентичной части *Насихат ал-мулук* с перекрестными ссылками по тексту *Кими́я-йи са'адат*. Переводу предшествует исследование, в котором рассмотрена проблематика аутентичности второй части *Насихат ал-мулук*, не принадлежащей перу имама. Там же дан перевод трех писем ал-Газали (адресованных салджукидскому султану Санджару и написанных имамом незадолго до *Насихат ал-мулук*) и назван его вероятный «соавтор», присовокупивший к сочинению вторую часть. Он же, как показывает исследование, без сомнения являлся и «соавтором» салджукидского вазира Низам ал-мулка ал-Туси в дописывании текста *Сийар ал-мулук/Сийасат-нама*.

Приложение В представлено переводом исследования иранского ученого Н. Пурджавади по проблематике *Насихат ал-мулук* и *Панд-нама* («Письмо с советами») ал-Газали с небольшим послесловием к исследованию.

Предваряя чтение, на мой взгляд, одной из наиболее интересных частей *Кими́я-йи са'адат* о быте и повседневных взаимоотношениях мусульман, раскрывающей устами достойнейшего представителя мусульманской уммы многие детали и традиции этих взаимоотношений, я хотел бы выразить надежду, что отношение мусульманских издательств к издаваемой ими средневековой литературе в скором будущем поднимется с научнопопулярного и просветительского уровня до научного, которого в особенности заслуживают сочинения ал-Газали, да и, конечно, он сам.

A. A. Хисматулин

³⁹ См.: ал-Газали. *Кими́я*. Ч. I. 66–69.

АЛ-ГАЗАЛИ. КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ. СТОЛП ВТОРОЙ: ОБЫЧАИ

Lane. *Lexicon — Arabic-English Lexicon* / Ed. by E. W. Lane. London, 1865.

Sezgin. GAS — Fuat Sezgin. *Geschichte des Arabischen Schrifttums*. Band I (Qur'an-wissenschaften—Hadith—Geschichte—Fiqh—Dogmatik—Mystik bis ca 430 H). Leiden: Brill, 1967.

Siasset nameh — *Siasset naméh*. Traité de gouvernement composé pour le sultan Seldjoukide Melik-châh par le vizir Nizam oul-Moulk. Texte persan et traduction française / Ed. par Charles Schefer. Paris: éditeur Ernest Leroux, 1891 (Tome I. Texte persan), 1893 (Tome II. Traduction française et notes).

Siyar al-muluk — Nizam al-Mulk Abu 'Ali Hasan b. 'Ali Tusi. *Siyar al-muluk* (*Siyasat-nama*) / Ed. H. Darke. Tihran, 1340/1962.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	V
Основа первая из столпа поведения: об этикете приема пищи اصل اول از رکن معاملات: در آداب طعام خوردن	2
Выявление этикета приема пищи	3
Выявление этикета приема пищи вместе с кем-либо	8
Достоинство приема пищи с друзьями и собратьями по религии	10
Этикет приема пищи навещающими друг друга	12
Выявление достоинства гостеприимства	17
Основа вторая из столпа поведения: об этикете бракосочетания اصل دوم از رکن معاملات: در آداب نکاح کردن	25
Глава первая: о пользах и напастях от брака	26
Глава вторая: о способе заключения и этикете брака, о качествах и условиях, которые должны соблюдаться по отношению к женщине	35
Глава третья: об этикете жизни с женщинами с начала и до конца	41
Основа третья из столпа поведения: о заработке и торговле اصل سوم از رکن معاملات: در کسب و تجارت	55
Глава первая: о достоинстве и грядущем воздаянии за зарабатывание разрешенного	55
Глава вторая: о науке заработка, чтобы он отвечал условиям [Божественного Закона]	59
Глава третья: о соблюдении справедливости и честности в сделках	76
Глава четвертая: о благодеяниях и добродетельности при сделках	86
Глава пятая: о проявлении сострадания к религии в ходе сделок	91
Основа четвертая из столпа поведения: распознавание разрешенного, заповеданного и сомнительного اصل چهارم از رکن معاملات: شناختن حلال و حرام و شبہت	99
Глава первая: о грядущем воздаянии за разрешенное и о достоинстве его поиска	99
Глава вторая: о степенях разрешенного и заповеданного	104
Глава третья: об отделении разрешенного от заповеданного и как разузнать о заповеданном	112
Глава четвертая: о содержании от султанов и о том, как их приветствовать и принимать то, что из их имущества является разрешенным	116
Основа пятая из столпа поведения: о соблюдении прав общения с людьми, сохранении права родственника, соседа, раба и сохранении права друзей и собратьев по религии اصل پنجم از رکن معاملات: در گزاردن حق صحبت با خلق و نگاه داشتن حق خوشاوند و همسایه و بنده و نگاه داشتن حق دوستان و برادران دینی	129
Глава первая: о приязни и братстве ради Истинного Всеышнего	129
Глава вторая: о правах в общении и его условиях	141
Глава третья: о правах мусульман, родственников, соседей и рабов	159

**ОСНОВА ШЕСТАЯ ИЗ СТОЛПА ПОВЕДЕНИЯ: ОБ ЭТИКЕТЕ ЗАТВОРНИЧЕСТВА
И ОТСТРАНЕННОСТИ ОТ ЛЮДЕЙ**

اصل ششم از رکن معاملات: در آداب زاویه گرفتن و از خلق عزلت گرفتن	191
Пользы отстраненности	193
Напасти отстраненности	205

ОСНОВА СЕДЬМАЯ ИЗ СТОЛПА ПОВЕДЕНИЯ: О ПУТЕШЕСТВИИ

اصل هفتم از رکن معاملات: در سفر است	217
Глава первая: о побуждении к путешествию, его этикете и видах	218
Глава вторая: о разъяснении того знания, которому следует обучиться путешественнику до путешествия	230

**ОСНОВА ВОСЬМАЯ ИЗ СТОЛПА ПОВЕДЕНИЯ: ОБ ЭТИКЕТЕ САМА⁴ И ВАДЖДА
АДАБ СМАУ ВОЖДА**

اصل هشتم از رکن معاملات: در آداب سماع وожд	237
Глава первая: о дозволенности сама ⁴ и о разъяснении того, что из нее является заповеданным и что разрешенным	237
Глава вторая: о последствиях сама ⁴ и ее этикете	254

**ОСНОВА ДЕВЯТАЯ ИЗ СТОЛПА ПОВЕДЕНИЯ: ПОВЕЛЕНИЕ ИСПОВЕДИМОГО
И ЗАПРЕЩЕНИЕ ОТВЕРГАЕМОГО**

اصل نهم از رکن معاملات: امر معروف ونهی منکر است	265
Глава первая: об обязательности этого	265
Глава вторая: об условиях пресечения (хисбат)	269
Глава третья: о том отвергаемом, которое зачастую входит в обыкновение	290

**ОСНОВА ДЕСЯТАЯ ИЗ СТОЛПА ПОВЕДЕНИЯ: ОБ ОБЛАДАНИИ ПОДДАННЫМИ
И ОБ УПРАВЛЕНИИ**

اصل دهم از رکن معاملات: در رعیت داشتن و ولایت راندن	294
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ А («الف»)

Исследование текста <i>Nasixhat al-muluk</i> : проблема авторства второй части (تحقيق متن نصيحة الملوك: مشكل اصالت بخش دوم آن)	315
Исторические обстоятельства сложения <i>Nasixhat al-muluk</i> (جگونگی تاریخی نهادن کتاب نصيحة الملوك)	319
Исторический детектив (قصه، کارآگاهی تاریخی)	332
<i>Ciyar al-muluk</i> (سیر الملوك)	333
Касида-панегирик Мухаммаду ибн Малик-шаху (قصيدة در مدح محمد ابن ملكشاه)	348
Переписчик особых писаний хранилища (نویسنده کتابهای خاص خزانه)	354
Пропавшая точка (نکته، گم شده)	355
Дата сочинения касиды (تاریخ تصنیف قصیده)	363

НАСИХАТ АЛ-МУЛУК («СОВЕТ ВЛАДЫКАМ»)

نصيحة الملوك	369
Начало основ убеждения, являющегося корнем веры (آغاز اصول اعتقاد که بیخ ایمانست)	372
Начало ветвей веры (آغاز شاخهای ایمان)	375
Выявление тех источников, из которых питается древо веры (بیدا کردن آن چشمی که آشخور درخت ایمان ازوست)	393

Источник первый: познание дальнего мира, что он собой представляет

چشمیه، اول: شناخت دنیاست که وی خود چسبت و آدمی را بدنبال بجهه کار آورده است	393
چشمیه، دوم: شناخت نفس بازیسین است	399

Источник второй: познание последнего вздоха

Приложение В («ب») (بصیمه، «ب»)	407
----------------------------------	-----

Н. Пурджавади. <i>Панд-нама</i> и ее связь с <i>Nasixhat al-muluk</i>	407
Насихат ал-мулук в редакции Хума'ий	407
Вопрос о принадлежности второй части <i>Nasixhat al-muluk</i> Газали	408
Арабский перевод <i>Nasixhat al-muluk</i>	411
<i>Панд-нама</i>	411
Для какого падишаха были написаны <i>Панд-нама</i> и <i>Nasixhat al-muluk</i> ?	413
<i>Панд-нама</i> в сравнении с другими произведениями Газали	415
Рукописи и редактирование текста	417
Послесловие к исследованию Н. Пурджавади	418
Понятийный словарь ал-Газали	420
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	434
УКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ, РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	442
УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ФАУНЫ	449
УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ, ВОСТОЧНЫХ СЛОВ	450
УКАЗАТЕЛЬ ОДОЛЬНЫХ ПАРНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ	453
УКАЗАТЕЛЬ УПОМЯНУТЫХ СОЧИНЕНИЙ	455
УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ СУР И АЙАТОВ КОРАНА	455
СОКРАЩЕНИЯ	456
Список цитированной литературы	456

серия
«Памятники культуры Востока»
Выпуск XVII (2)

Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси
«КИМИЙА-ИЙ СА‘АДАТ» («ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ»)

Часть 2: Рукн 2: Обычаи (с Приложениями А и В)

Перевод с персидского, вступительная статья, комментарий и указатели
А. А. Хисматулина

Литературно-художественное издание
ISBN 987-5-85803-359-2

Набор — А. А. Хисматулин
Персидский набор — А. А. Хисматулин
Редактор — Т. Г. Бугакова, О. И. Трофимова
Технические редакторы — М. В. Вялкина, А. А. Хисматулин

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
 Для корреспонденции:
198152, Санкт-Петербург, а/я 111

Подписано в печать 09.08.2007. Формат 60×88^{1/16}
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 31 п. л.
Тираж 800 экз.
Заказ № 4168

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12